

вести такія окраины, какъ Польша, въ составъ имперіи на положеніи одного изъ намѣстничествъ. Такъ ради болѣе удобнаго рѣшенія ограднаго вопроса предполагалось и центральную Россію раздѣлить на штатобразные округа. Эта мысль Новосильцова съ несомнѣнностью выражена въ изготвленномъ имъ проектѣ указа о распространеніи дѣйствія Уставной Грамоты на Царство Польское.

Г. В. Вернадскій хочетъ далѣе доказать, что Новосильцевскій проектъ уже ставился Александромъ на почву практическаго осуществленія и первымъ шагомъ къ тому явилось назначеніе Балашова генераль-губернаторомъ надъ губерніями Рязанской, Тульской, Тамбовской, Орловской и Воронежской съ порученіемъ произвести нѣкоторые перемѣны въ устройствѣ ихъ гражданскаго управленія. Вотъ этого автору доказать не удалось. Связь Балашовскихъ мѣропріятій въ названныхъ губерніяхъ съ федералистическимъ проектомъ Новосильцова остается гипотезой, не подтверждаемой убѣдительными данными. Генераль-губернаторства, введенныя еще при Екатеринѣ II, не имѣли ничего общаго съ федерализмомъ и изъ порученія, данное Балашову, не видно, чтобы Балашову предстояло готовить введеніе въ управленіе какихъ либо новыхъ началъ, невѣдомыхъ русскому прошлому. Александръ I очень любилъ составлять проекты государственнаго переустройства. Но быстрое проведеніе такихъ проектовъ въ жизнь совсѣмъ не соответствовало его склонностямъ и привычкамъ. Онъ мечталъ о федерализмѣ и даже переписывался объ этомъ предметѣ съ Джефферсономъ. Но онъ никогда не любилъ снимать той перегородки, которая отдѣляла для него міръ мечты отъ міра дѣйствительности. И убѣжденъ, что и планъ Сперанскаго не былъ бы осуществленъ до конца, даже если бы и не вспыхнула Отечественная война. Тѣмъ менѣе вѣроятія, чтобы планы Новосильцева были приведены въ исполненіе въ наступившій тогда періодъ политической реакціи.

А. Кизеветтеръ.

Логосъ. *Международный ежегодникъ по философіи культуры, издаваемый подъ редакціей С. I. Гессена, Ф. А. Степуна и В. В. Яковенко. Кн. I-я. 1925 г. Прага. Изд. «Пламя».*

Ни одинъ любитель русской философіи не сможетъ безъ волненія взять въ руки этотъ томъ въ знакомой сѣрой обложкѣ, украшенной изображеніемъ Геранрита. Четырнадцать лѣтъ прошло со времени выхода въ свѣтъ первой книги русскаго «Логоса», больше десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ приостановился по чисто виѣшнимъ причинамъ, обусловленнымъ мировой войной. Сколько надеждъ русской научной философіи было связано съ «Логосомъ», сколько воспоминаній встаетъ о недавнемъ прошломъ русской философіи, о напряженныхъ философскихъ спорахъ и исканіяхъ въ Петербургѣ и Москвѣ, о первыхъ проблескахъ

нового поворота къ метафизикѣ на почвѣ критицизма, впервые ясно обозначившагося именно въ Россіи... За четыре года своего существованія «Логосъ», не смотря на то, а быть можетъ именно потому, что онъ широко раскрывалъ свои двери весьма разнымъ отѣнкамъ философской мысли и постоянно подчеркивая, что для того, «чтобы обрѣсти русскую философію, надо стремиться не къ ней, а къ истинѣ, какъ таковой», успѣлъ превратиться въ особое направленіе *русской философіи*, въ которомъ иностранные обозрѣватели склонны усматривать весьма характерное и значительное явленіе спеціально русской духовной жизни...^{*)}.

Возобновленіе «Логоса» послѣ грандіозныхъ катастрофъ и сдвиговъ въ области реального и духовнаго бытія, не только радостное событіе для всѣхъ тѣхъ, кто цѣнитъ культурную преемственность и традицію русской науки, но и вѣрный показатель прочной силы и широты охвата той философской позиціи, которую съ самаго начала занималъ «Логосъ» и отъ которой онъ не отступаетъ и сейчасъ. Позиція эта сводится къ идеѣ *автономіи философскаго знанія*. «Логосъ» рѣшительно и послѣдовательно боролся и продолжаетъ бороться противъ всѣхъ попытокъ основать философское знаніе на нефилософскихъ началахъ, будь это естествознаніе (натурализмъ), психологія (психологизмъ), обществовѣдѣніе (историзмъ, экономическій матеріализмъ) или религія (религіозная философія). Въ настоящее время, когда у насъ на родинѣ жестоко преслѣдуется всякое проявленіе не марксистской мысли, а въ эмиграціи значительнымъ и авторитетнымъ теченіемъ (въ лицѣ его столь разныхъ представителей, какъ Карсавинъ, Булгаковъ, Бердяевъ и др.), все съ большей рѣшительностью провозглашается право религіознаго догматизма на отрицаніе въ предѣлахъ философіи и въ ея формахъ самоудовлетворяющаго значенія автономнаго философствованія, исходная позиція «Логоса» оказывается, пожалуй, еще болѣе актуальной, чѣмъ четырнадцать лѣтъ назадъ. Однако, философская современность, въ отличіе отъ довоенной эпохи не удовлетворяется одной лишь критической, отрицательной позиціей; грандіозный сдвигъ во всѣхъ областяхъ жизни отразился въ философіи въ видѣ исканія новыхъ положительныхъ рѣшеній, — въ видѣ стремленія отъ формы къ содержанію, отъ метода къ системѣ, отъ частности къ цѣлому отъ гносеологіи къ метафизикѣ. — Въ чрезвычайно содержательной и удачной передовой статьѣ редакция возобновленнаго «Логоса» намѣчаетъ основные принципы своей новой положительной позиціи. Признавая основнымъ заданіемъ философіи восхожденіе къ Абсолютному, редакция «Логоса» настаиваетъ на многопланности автономныхъ путей этого восхожденія, на «равноправной свободной множественности сферъ, личностей и проявленій» Абсолютнаго. Раскрываясь какъ иѣкое единство плюрализма

^{*)} Ср. статью о русской философіи въ «Revue du monde slave» за 1924 г.

автономныхъ сферъ и монизма Абсолютнаго, какъ цѣлая сочетанность имманентнаго и трансцендентнаго, безусловнаго и относительнаго, — философія по самому своему существу есть устремленіе къ углубленному синтезу противоположнаго. Углубленный синтезизмъ на основѣ потенцированія философской проблематики, гарантирующаго дѣйствительное изживаніе, а не преждевременное угашеніе противоположныхъ направленій, — таково въ пониманія «Логоса» основное философское заданіе современности. Стремленіе снять противоположность между диалектикой и иррационализмомъ, между спекулятивнымъ трансцендентализмомъ (потенцированнымъ рационализмомъ) и интуитивизмомъ (потенцированнымъ эмпиризмомъ), между идеализмомъ и реализмомъ (идеаль — реализмъ, завѣщанный уже Платономъ и Фихте!) — вотъ основная положительная программа «Логоса», редація котораго справедливо отмѣчаетъ постепенно обнаруживающееся взаимопроникновеніе философскихъ направленій и возвышеніе всего современнаго философствованія надъ односторонними теченіями, знаменующія приближеніе новой положительной конструктивной философской эпохи. Въ этой синтетической философской эпохѣ немаловажную роль, по убѣжденію редакціи «Логоса», предстоитъ сыграть Россіи. «Пока въ центрѣ философскаго интереса стояла проблема знанія естественно было тѣготѣніе «Логоса» къ западнымъ мыслителямъ, почти сплошь занятымъ вопросами гносеологическаго характера. Нынѣ же, когда центрѣ философскаго интереса передвинулся отъ гносеологіи къ системѣ, основные мотивы духовнаго бытія Россіи естественно приобрѣтаютъ совершенно иное значеніе. Задача русской философіи заключается сейчасъ въ томъ, чтобы на широкой основѣ нашего національнаго духовнаго опыта и въ ощущеніи непосредственной преемственной связи съ мировыми достиженіями философской мысли разрѣшить разлѣдающія эту мысль противорѣчія и построить цѣлостное автономное философское знаніе. Такъ понимали задачу философіи ее подлинныя зачинатели: Соловьевъ, Лопатинъ и Трубинъ, такъ ее понимаемъ и мы». Вѣра въ то, что Россіи въ недалекомъ будущемъ предстоитъ сказать въ области философіи свое рѣшающее слово, естественно приводитъ редакцію «Логоса» къ обсужденію проблемы русской революціи. «Русская революція не только потрясающее разрушеніе, но и источникъ новой жизни и новаго творчества. Пережитое крушеніе общественныхъ идеаловъ имѣетъ для насъ лишь одинъ смыслъ: смыслъ призыва къ новому философскому творчеству въ этой области. Какъ событіе небывалаго масштаба, русская революція для каждого изъ насъ несетъ съ собою новое и неиспытанное доселѣ чувство бытія. Въ чувствѣ же бытія и напряженности онтологическаго самоощущенія мы видимъ основу и залогъ того расцвѣта и углубленія всей русской культуры и русскаго философскаго творчества, которому по мѣрѣ своихъ силъ и собирается служить возобновляемый «Логосъ». — Нельзя безъ глубокаго удовлетворенія прочесть эти дышущія ду-

ховнымъ здоровьемъ и подлинной вѣрой въ Россію и русскій народъ заключительныя слова передовой статьи «Логоса», и хочется пожелать новому многообъщашему литературному начинанію: въ добрый часъ!

Изъ отдѣльныхъ статей разнообразнаго составленнаго перваго номера «Логоса» на первомъ мѣстѣ по цѣнности и содержательности слѣдуетъ поставить статьи *Н. О. Лосскаго*, умозрѣніе какъ методъ философіи, *В. Э. Сеземана*, Платонизмъ, Плотинъ и современность и *С. I. Гессена*, Новый опытъ системы логики на русскомъ языкѣ. *Н. О. Лосскій*, подводя итоги своимъ новѣйшимъ работамъ, знаменующимъ переходъ отъ интуитивистической пропедевтики къ онтологическому «идеаль-реализму на основѣ органическаго міровоззрѣнія», намѣчаетъ вкратцѣ въ своей статьѣ разграниченіе между чувственной, интеллектуальной и мистической интуиціей. Въ то время какъ интеллектуальная интуиція есть отвлеченное умозрѣніе, направленное на постиженіе сферы логическаго, мистическая интуиція есть умозрѣніе конкретное, созерцающее металоогическую сферу и ея предѣльный слой — Абсолютное. «Удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ о свободѣ воли, о творествѣ, объ источникахъ и конечномъ результатѣ нравственнаго поведенія, можетъ быть данъ не иначе, какъ путемъ углубленія въ сферу металоогическаго», т. е. путемъ мистической интуиціи. Привѣтствуя намѣчаемое *Н. О. Лосскимъ* разграниченіе между интеллектуальной и металоогической интуиціей, мы полагаемъ однако, что послѣдняя имѣетъ рядъ разновидностей, которыя въ свою очередь необходимо строго отличать другъ отъ друга, и къ тому же ихъ всѣхъ рѣшительно противопоставлять непосредственному постиженію Абсолютнаго или религиозному акту, который, снимая всѣ противоположности, уже не можетъ быть вообще охарактеризованъ какъ интуиція. Интеллектуальной интуиціи или *умозрѣнію* противостоитъ чистое *волеозрѣніе* (нравственная интуиція) и *зрѣніе чистымъ чувствомъ* (эстетическая интуиція), и всѣ они направлены на постиженіе особыхъ секторовъ *конкретно-идеальнаго*, ибо отвлеченное бытіе, думается намъ, вообще не можетъ созерцаться, т. к. все созерцаемое — конкретно. Объединеніе всѣхъ видовъ металоогической интуиціи подъ общимъ понятіемъ интуиціи мистической, кроетъ въ себѣ, по нашему разумѣнію, опасность уклона въ монизмъ.

Статья *В. Э. Сеземана* посвящена обсужденію одной изъ наиболѣе актуальныхъ темъ философіи современности: претворенію иррационализма Плотина и уясненію соотношенія между его геніальными прозрѣніями и современнымъ идеаль-реализмомъ. Справедливо подчеркивая, что *плотинно-платоновское* ученіе о тождествѣ мышленія и бытія, которое реализуется въ предѣльномъ познаніи, есть другая сторона восхожденія къ чистому созерцанію, какъ непосредственному видѣнію идеи въ ея реальности, преодолевающему корреляцію субъекта-объекта, *В. Э. Сеземанъ* довольно спорнымъ образомъ связываетъ это ученіе съ

восходящимъ къ Сократу призывомъ къ самопознанію. «Знаніе въ основѣ своей — согласно ученію платонизма — есть самопознаніе души. Только на этой высшей ступени знаніе достигаетъ полной достовѣрности (самодостовѣрности). Только здѣсь осуществляется его предѣльное достиженіе — тождество мышленія и бытія». — Намъ представляется, что въ ученіи платонизма о самопознаніи заложено два весьма различныхъ элемента, недостаточно расчленяемыхъ В. Э. Сеземаномъ: ученіе о нравственномъ самосознаніи, т. е. о непосредственномъ созерцаніи своего «Я», какъ «субстанціального дѣятеля», и ученіе о восхожденіи къ созерцанію идеальнаго бытія черезъ анализъ акта знанія, которое уже Платономъ (ср. платоновское понятіе диалектики!) зачастую формулируется совершенно независимо отъ этизирующей и субъективизирующей (ивмѣстѣ съ тѣмъ интелектуалистической) формулы Сократа «о самопознаніи». Именно черезъ ученіе о томъ, что путь къ созерцанію тождества мышленія и бытія ведетъ черезъ анализъ акта знанія, — что знаніе въ своей предѣльной объективности само уничтожаетъ себя въ бытіи, — платоново-платиновская традиція особенно близко соприкасается съ современнымъ уклономъ къ синтезу интуитивизма и трансцендентализма.

С. I. Гессенъ подвергаетъ обстоятельному и интересному разбору новый цѣнный трудъ Н. О. Лосскаго, *Логика*, ч. I и II, появленіе котораго онъ признаетъ «событіемъ не только русской, но и міровой литературы, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что по глубинѣ трактовки логическихъ проблемъ, по стройности и изяществу изложенія, по свѣжести мысли «Логика» Лосскаго стоитъ на первомъ мѣстѣ по сравненію съ многочисленными логическими трактатами за послѣднія 10-15 лѣтъ». — Отмѣчая и привѣтствуя возрастающее сближеніе логическихъ взглядовъ Лосскаго съ возрѣніями трансцендентальнаго идеализма, С. I. Гессенъ ставитъ въ упрекъ Лосскому нѣкоторое упрощеніе проблемъ, проявляющееся въ недостаточномъ различеніи между знаніемъ умаленнымъ (подлинная сфера «логическаго») и знаніемъ абсолютнымъ (превышающая логическую сферу онтологическая сфера бытія въ себѣ, въ которой «логическое знаніе укоренено»); интуитивизмъ Лосскаго, по мнѣнію С. I. Гессена, отождествляя логическое съ онтологическимъ, приводитъ къ логизированію идеи міроваго цѣлаго и къ избытку интелектуализма (несмотря на все тяготѣніе Лосскаго къ ирраціонализму).

Мнѣе удачны остальные статьи рецензируемаго номера: Статья *Б. В. Якоенко*, *Мощь философіи*, выдержана въ столь общихъ тонахъ, что представляетъ собой скорѣй вводную лекцію въ курсъ исторіи философіи, чѣмъ самостоятельное изслѣдованіе. Цѣннымъ является лишь неоднократно подчеркиваемый и повидимому воспринятый у повднѣйшаго Фихте идеаль-реалистическій тезисъ, что «подлинное постиженіе есть само-упраздненіе философской мысли въ Сущемъ и прямое наличествованіе Сущаго». Фихте выражалъ эту мысль словами: «Знаніе, достигнутое черезъ

знание о себѣ своего предѣла, само уничтожаетъ себя въ чистомъ бытіи». — Статья *В. Шкраха*, Масарикъ и позитивизмъ, несмотря на свою содержательность, слишкомъ суммарна, чтобы дать точное представление о своеобразной философской концепціи маститаго главы Чехословадцкаго Ресублики.

Особая возраженіи вызываетъ помѣщеніе въ рецензируемомъ номерѣ «Логоса» русскаго перевода обширной статьи *Г. Риккерта*, Методъ философіи и непосредственно данное, болѣе двухъ лѣтъ назадъ уже напечатанной на нѣмецкомъ языкѣ. Врядъ ли можно признать цѣлесообразнымъ печатаніе въ русскомъ журналѣ, издаваемомъ за границей, матеріала, доступнаго русскому философскому читателю, поневолѣ пребывающему за рубежомъ, въ подлинникѣ. Къ тому же упомянутая статья принадлежитъ далеко не къ числу лучшихъ произведеній извѣстнаго нѣмецкаго философа, и во всякомъ случаѣ по своимъ тенденціямъ, сводящимся къ изведенію сложной проблематики интуитивизма къ довольно элементарному ученію о «до-предметныхъ, про-физическихъ состояніяхъ», находится въ значительномъ противорѣчій съ положительной программой «Логоса», зафиксированной въ передовой, редакціонной статьѣ. Отмѣтимъ также, что во вполне въ общемъ доброкачественный и очень точный переводъ статьи Риккерта вкрался весьма существенный lapsus, извращающій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ смыслъ текста. Термину «Verstehen», противоположаемому на нѣмецкомъ языкѣ, съ одной стороны, «Wahrgnehmen» (воспріятію), съ другой стороны «Begreifen» (пониманію), точно соответствуетъ на русскомъ языкѣ терминъ «постиженіе», а не «пониманіе», которое употребляетъ переводчикъ и которое, на русскомъ языкѣ, точно такъ же, какъ и нѣмецкое «Begreifen», указываетъ на связь съ «понятіями». Позднѣйшій Фихте, а вслѣдъ за нимъ Шеллингъ и Баадеръ, слѣдуя традиціямъ нѣмецкой мистики, рѣшительно противопоставляетъ «Verstehen» и «Begreifen», постиженіе и пониманіе, и замѣляетъ въ разсужденіи, намекающаго на ихъ терминологию Риккерта терминъ постиженіе (Verstehen) терминомъ пониманіе, значить упускать существенный оттънокъ его мысли.

Отмѣтимъ въ заключеніе нашей рецензіи очень интересно и содержательно составленный библиографическій отдѣлъ журнала, въ частности необыкновенно полную и цѣнную библиографію русской философской литературы за 10 лѣтъ (1914-1924), составленную *Б. В. Яковенко* и восполняющую очень существенный пробѣлъ, особенно ощутительный благодаря годамъ міровой и гражданской войны, духовнаго разобщенія и невольнаго отрыва пребывающихъ за рубежомъ русскихъ философовъ отъ оставшихся въ Россіи.

Мы не можемъ закончить нашей критической замѣтки, не пожелавъ возобновленному русскому «Логосу» болѣе чѣмъ заслуженнаго успѣха и распространенія, и падѣмся вернуться къ нему при разборѣ слѣдующей книжки. Г. Д. Гурвичъ.